

нюдь не внушает излишнего восхищения: «Скатываться к бедняцким иллюзиям теперь уже нельзя» (Молотов). Таковы директивы партконференции.

...Словом, в гуще быта скоро того и гляди услышишь бодрые полнокровные голоса из деревни:

— Да, я кулак, я советский кулак, и горжусь этим!..

Что, если на том свете дух П. А. Столыпина⁹ случайно встретится в эти дни с духом Свердлова¹⁰, или, скажем, Володарского, или Либкнехта?..¹¹

Любопытно бы подслушать соответствующий потусторонний диалог...

Но дух Ленина может покоиться с миром: он и впрямь прочно живет и в своей партии, и во всей революции. А, значит, можно быть спокойным также и за ту, и за другую.

И, что еще несравненно важнее, — за Россию. Тому ручательство лозунг жизни, лозунг выздоровления, гениальный крик нутра:

— Хозяева, обогащайтесь!..

Национализация Октября. (К восьмой годовщине)

«Возвращается ветер на круги своя»¹. Россия, по авторитетным свидетельствам, переживает *«последний год восстановительного периода»*, *«рекордный год в деле восстановления нашего хозяйства»* (Каменев²). На глазах догорает лихолетье. На глазах «саперы разрушения» преобразуются в «армию строителей».

Над строительством — девиз:

Мы наш, мы новый мир построим!³

Отличный девиз. Он вливает бодрость в души, будит веру; а зачем и существуют на свете девизы, как не затем, чтобы вливать бодрость в души, будить веру? Верования проходят, вера остается.

«Что сделало революцию? — Честолюбие. Что положило ей конец? — Тоже честолюбие. Но каким прекрасным предлогом была для нас свобода!..»⁴

Так на закате дней, в одиночестве «маленького острова»⁵, вспоминал о своей страшной матери, о великой революции, ее не менее великий и страшный сын.

Пусть в этих словах гениального честолюбца много психологической правды. Но психологическая правда исторически нередко называется субъективной иллюзией. То, что в сознании самих деятелей тех дней было только **предлогом**, история сделала **основным содержанием эпохи**. «Свобода», рожденная честолюбием, очень скоро забыла свое родство. И, окрепнув, пошла уверенно гулять по Европе. Предлог стал прологом. Прологом целой огромной полосы жизни народов.

В истории, вообще говоря, часто властвуют «поводы» и «предлоги». Маленькие побуждения больших лозунгов исчезают, — сами лозунги, «прекрасные предлоги», преломляясь в миллионах голов, формулируя миллионы интересов, начинают свою собственную, живописную, чудесную жизнь. Историей, все-таки, по-видимому, правит не любовь к человеку, а, по термину Ницше, «любовь к вещам и призракам»⁶.

Призраки будут жить на земле, покуда жив человек. *«Нет великой ценности, которая не покоилась бы на легенде. Единственный виновник того — человечество, желающее быть обманутым»* (Ренан⁷). Что же, да здравствуют творческие призраки и легенды!..

Впрочем, ближе к теме. Эти восемь лет, полные пожаров и легенд («Мы пустим пожары!.. Мы пустим легенды!..» — Петруша Верховенский⁸), не перестают все же быть историей. Куда же идет процесс? Куда смотрит его объективная логика?

Думается, правильнее всего основная тенденция современности может быть охарактеризована как **национализация Октября**. Революция входит в плоть и кровь народа и государства. Нация советизируется. И обратно: советы национализируются. «Ближе к массам!» — провозглашает Цека. «Глубже в быт!» — давно призывает Троцкий. Эти лозунги одинаково знаменательны и по одинаковому действительны.

Уходя в быт, погружаясь в массы, Октябрь, как Антей, наливается новыми соками. Оживление советов, рождение «мелкой советской единицы», усиление активности крестьянства, демократизация профсоюзов, неуклонная централизация государственного аппарата в его решающих элементах, успехи национализированной промышленности, заботы о законности, — все это политические факторы первостепенного порядка. Правда, они действуют медленно, идут «голубиной поступью»⁹, но тем вернее их результат. Согласно словечку Ленина, страна «переваривает переворот». «Переворот», входя в обиход, перестает быть переворотом: что нужно было перевернуть, уже перевернуто. И устанавливается новое равновесие.

«Завоевание быта» есть опять-таки процесс двусторонний, говоря учено, «диалектический». Когда чернильницы выделываются по модели ленинского мавзолея¹⁰, а скворец и уютная канарейка насвистывают «Интернационал», — невольно начинает мерещиться, что причесанная буря перестает быть бурей. Разучиваешься даже как следует различать: когда революция наступает на быт, а когда быт на революцию. Мне самому пришлось этим летом не раз слышать в России, как царский «мерзавчик»¹¹ величают «пионером», а сороковку — «комсомольцем». Это уже — откровенное, ехидно-торжествующее засилье «быта». Но и оно, что ни говорите — одна из сторон всесторонней «национализации Октября»...

Да, ничего не поделаешь. *«Национальность для каждой нации есть рок ее, судьба ее; может быть, даже и черная. Судьба в ее силе... От судьбы не уйдешь: и из “оков народа” тоже не уйдешь»* (Розанов¹², «Опавшие листья»¹³). Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения. Русский народ «нашел себя». Но, конечно же, от себя не ушел. И в мировых, всечеловеческих своих устремлениях, и в онтологии революции, и в ее логике, и в ее быте — он остался собою, вернее, он **становится собою**, как никогда еще раньше. Прав Троцкий, утверждая, что «большевизм национальнее монархической и иной эмиграции, Буденный¹⁴ национальнее Врангеля» («Литература и революция»¹⁵). Восьмилетняя динамика Октября — яркий документ этой непреложной истины.

Сейчас я ничего не оцениваю, ничего не проповедую — я только констатирую. Хороший рецепт преподал в свое время Барер¹⁶: «не будем никогда подвергать суду революции, но будем пользоваться их плодами». Слева мне часто говорят, что констатирования мои, как «правда классового врага», полезны революции. Тем лучше. Не чувствуя себя ничьим классовым врагом, от души готов послужить революции, чем могу. Каждому свое.

Национализация Октября реально ощутима не только в свете внутренних процессов, наблюдаемых в Советской России. Еще острее обличается она анализом международного положения СССР.

Программа октябрьской революции была и остается всемирно-историчной и строго интернациональной. В этом ее «соль» и значение. В этом ее большой исторический смысл, воспетый поэтом¹⁷:

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл¹⁸.

Однако, кроме программы, революция обладает и «наличным бытием». Одно дело — ее «размах», ее «конечные цели»; другое дело — ее конкретное содержание, диктуемое упрямыми фактами, окружающей средой. Игнорируя дальние цели революции, мы не поймем ее роли в широком масштабе времен; закрывая глаза на ее пределы, на ее наличный облик, мы вообще утратим всякое представление о ней.

С этой точки зрения приходится признать, что истекшие восемь лет достаточно твердо ограничили поле непосредственного распространения и влияния Октября. Он охватил собою лишь Россию, да и то пока в несколько суженных границах. Дальше России революция не пошла. Конечно, она отразится и уже отражается в мире; но отражается косвенно и преломленно, а не прямо и не по задуманному. Отражается примерно так же, как в свое время Великая Французская Революция отозвалась на государствах старой Европы. «Непосредственное воздействие» не удалось. Началось эволюционное просачивание основных революционных идей на пространстве десятилетий.

Советские лидеры сами ясно отдают себе отчет в факте «стабилизации капитализма» на Западе. Отсюда неизбежно меняется и стиль советской внешней политики. Силою вещей она принуждена замыкаться в государственные, национальные рамки. Методы Чичерина теперь все менее отличаются от обычных приемов мировой дипломатии. И в то же время с неудержимой неизбежностью Наркоминдел вытесняет собою Коминтерн. Такова обстановка: судя по всему, всерьез и надолго.

Активность внешней политики Москвы перенесена с Запада на Восток. Здесь осуществляется комбинированное давление всех революционных факторов в далекой надежде окольным путем зажечь всемирный Октябрь. Но на Востоке даже и самые цели — по крайней мере, реальные, близкие, — лишены действительно интернационалистского духа. Задачи советской восточной политики — национальное пробуждение колониальных народов. В нем — наш исторический своеобразный реванш (о, отнюдь не «империалистический»!) за Брест и Версаль, за Ригу и Лозанну. Возможно, что России здесь удастся в известной мере осуществить свою провиденциальную миссию. Но не значит ли это, что и здесь Октябрь фатально национализируется?

Восток — человеческий океан, неисчерпаемый резервуар человеческого материала. Огромны азиатские масштабы. «*Европа — это кротовая нора* — говорил Бонапарт Буррьену¹⁹ после 18 фрюктидора; *только на Востоке бывают великие империи и великие револю-*

ции, — там, где живет семьсот миллионов людей» Поворачиваясь лицом к Азии, Россия включает себя в могущественнейшие токи современного исторического периода.

И Запад начинает чувствовать это, и туманится заботой и тревогой. Словно в нынешних глухих громовых раскатах он уже смутно узнает давнее, знакомое ему «наследье роковое»:

«После великих потрясений войны, глубоко всколыхнувших социальное равновесие внутри всех стран, все еще не миновала опасность революционных кризисов... Упорная пропаганда, субсидируемая и направляемая Москвой, распространяет свои интриги по всему земному шару. Здесь она стремится разжечь социальную ненависть, там — разнуздать националистические страсти, и фактически, под маской Третьего Интернационала, служит развитию национальной русской экспансии на ее великих исторических путях. Перед лицом Европы, утомленной войной и нуждающейся в порядке и труде, московский советизм выдвигает Революционную Церковь, повсюду имеющую своих верных, свои воинствующие организации, и воспаленному воображению, жаждущему идеала, преподносящую мистику мира и всеобщего братства»... («Revue des deux Mondes», 1 декабря 1924 г.).

И еще:

«Между планами Ленина и Зиновьева, готовящих триумф Третьему Интернационалу через русскую державу и славу русской державе через Третий Интернационал, — между этими планами и мистическим панславизмом Достоевского²⁰, провидевшего в России Третий Рим, призванный возглавить народы земли, — нет существенной непримиримости, даже значительного различия, особенно в области практических действий» («Revue des deux Mondes», 15 июля 1925 г.).

Что за странный бред? Или уже все путается в голове испуганного парижанина? Иль уж и впрямь так страшен призрак вездесущей России, многоликой, как Протей²¹ или наш былинный Вольга²², и все же единой и равной себе, как Вечная Идея Платона?..

Что же касается методов советской восточной политики, то не нужно быть пророком, чтобы предсказать их неизбежное преобразование, уже на наших глазах начинающееся. Оно повторит, в общем, эволюцию европейской политики Москвы: от Коминтерна к Наркоминделу. По мере стабилизации национальных сознаний у колониальных народов, естественно, придется переходить к чисто государственным способам связи с ними, помощи им, влияния на них. Просто потому что именно эти способы окажутся наиболее эффективны. Развитию

этого процесса будет, вероятно, способствовать и непрерывное косвенное давление стабилизированного западного капитализма.

«Но, — скажут, — где же национализация, раз упразднена сама Россия? Какая же национализация в интернациональном СССР?»

Острый, серьезный вопрос. Но, ближе в него вдумавшись, убеждаешься, что он далеко не так страшен, каким представляется с первого взгляда.

Не говоря о том, что даже и «словесно» львиная доля Союза географически занимает **Российской Федеративной Республикой**, — самая **национализация Октября** по существу своему есть процесс, конечно, весьма своеобразный и сложный. Он не есть реставрация старой императорской России и не может ею быть. Не может и не должен.

Национализация протекает многими каналами, по многим желобам. Идет культурно-национальное оживление **народов России**. «Интернационализм» сосредоточивается там, где ему и быть в данном случае надлежит: в сфере **государственности**. Москва — объединяющий государственный центр, и она зорко «стоит на страже». Ученые различают «государственную нацию» от «нации в культурном смысле», а эту последнюю — от «национальности». На наших глазах формируется **советская государственная нация**, а поскольку исторически и политически «советизм» есть русская форма, образ «российской» нации, — вывод напрашивается сам собой...

Но «культурно» — оживают «языки, сущие по всей Руси великой»²³. И пусть оживают, освобожденные «интернационализмом». Вряд ли можно теперь настаивать на целесообразности «руссификаторской» политики петербургского стиля, стремившейся к неприменному культурному обезличению государственно подчиняемых национальностей. Хорошо, когда происходит **русение**, а не «руссификация». Эти понятия нужно и нетрудно различать: первое органично и естественно, вторая механична и насильственна.

Правда, в настоящее время замечается чересчур уже резкая реакция против петербургского «империализма»: вместе с водой словно готовы подчас выбросить и самого ребенка из ванны. Но эта «готовность» заведомо теоретична и худосочна: не таков «ребенок»...

Нехорошо **искусственно подавлять** «языки». Но столь же плохо их **искусственно насаждать**. И в первом, и во втором случае неизбежен здоровый **естественный** протест жизни. Искусственно воздвигаемые карточные домики имеют свойство рушиться при первом дуновении.

Революционная доктрина побаивается «шовинизма господствующей нации» и склонна иногда препятствовать ее культурно-

историческому «самоопределению», принося его в жертву даже «выдуманному» культурно-национальным **призракам**. Это — понятные крайности эпохи. Они преходящи, хотя и опасны. Но суть ее — не в них.

Конечно, если культурно пробуждаются туркмены или калмыки, — как же не проявлять признаков культурного оживления русским? Вчитайтесь в современную русскую поэзию, современную советскую (русскую!) литературу:

Не нищий оборвыш,
Не кучи обломков
Не зданий пепел!
Россия вся —
Единый Иван,
И рука у него —
Нева,
А пятки —
Каспийские степи...

Красноармейца можно отступить заставить,
Коммуниста сдавить в тюремный гнет,
Но такого — в какой удержать заставе,
Если такой шагнет?!

(Маяковский, «150 000 000»)²⁴.

Но, шагая, он, однако, влечет за собою и всю ту пеструю, красочную, прекрасную фалангу народов, которых судьбы связались историей с его великой судьбой. Больше того: он сам, этот огромный «Иван», несет теперь в себе самом эту нарядную фалангу. И на плечах — знамя: СССР...

Полнота — в разнообразии, а не в исключительности. Интенсивность жизни, привлекательность жизни — в ее богатстве. Пусть в рамках единой государственности, проникнутой твердым сознанием спасительности своего исторического единства, цветут и пеняются разномастные, многоцветные обычаи, привычки, нравы, «культуры». Пусть идет свободное и дружное их состязание: жизнеспособные устоят, немощные растворятся, приобщатся к сильным. Вызывая к бытию свободное проявление, живую игру многообразных культурно-национальных содержаний народов исторической России, **Октябрь и здесь переживает свою историей продиктованную национализацию.**

Будем же думать о ней, бодро слушая сегодня полные легенды и веры, торжественные звуки октябрьского гимна, Интернационала!..